Слово редактора

Антон А. Смолькин
РАНХиГС, Москва, Россия

Социология возраста и границы социального конструирования

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-8-13

Во времена Дюркгейма главным политическим вопросом для существования социологии как дисциплины была проблема ее автономии — от конкурирующих биологических, психологических и тому подобных объяснений. (Забегая вперед, апофеоз «социологизма» — идея социального конструирования реальности — к концу XX столетия практически не оставит нам объектов, специфика которых хотя бы в какой-то степени не объяснялась как результат такого конструирования.) Со временем, однако, политическая повестка изменилась — развернулась борьба уже не за автономию дисциплины, а за максимальную автономию субъектов (и даже шире: сегодня передний край исследований — животные, их права и этика обращения с ними, о чем будет один из наших ближайших номеров), невмешательство в Другого, в частности, через борьбу с дискриминацией и торжество политкорректности. Биологическое оказывается снова изгнанным по политическим, но на этот раз уже совсем другим, причинам.

Характеристики, которые ранее считались биологическими, такие как пол, раса и возраст, начинают пониматься как социальные конструкты, а само социальное конструирование превратилось из специализированного инструмента социологии знания в универсальный способ объяснения неравенства, всегда имеющего внешнее и, по умолчанию, насильственное происхождение. Безусловно благородные цели публичной социологии не всегда способствуют

Смолькин Антон Александрович — кандидат социологических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС, научный сотрудник МВШСЭН. Научные интересы: социология старения, микросоциология. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

Anton A. Smol'kin — chair of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEPA. Research interests: sociology of old age, microsociology. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

изучению спорных тем или развитию всесторонних дискуссий (и это повод задаться вопросом, насколько совместима политкорректность со строгостью, предъявляемой к научным исследованиям? По всей видимости, ученый и активист по-разному будут отвечать на вопрос, что здесь первично). Биологические аспекты проблем по умолчанию остаются вынесенными за скобки рассуждений, поскольку предполагаемая *биологическим* известная предопределенность плохо соотносится с идеалами автономии, а потому *политически* нежелательна, если не сказать опасна[1].

Почему проблема биологического, по всей видимости, не обладающая значимостью в исследованиях гендера и расы (не являясь экспертом в области физиологии, не могу взять на себя ответственность за более категоричное высказывание), должна быть принята во внимание в исследованиях возраста? Ограничения социального конструирования особенно заметны на примере детей и пожилых людей, где за предписанными ролями, правами и проблемами недвусмысленно проступает физиологическая реальность. Возраст заметно более нагружен правовыми последствиями/ограничениями, чем гендер/пол и тем более раса, именно вследствие неавтономности раннего детства и поздней старости. В силу специфики своих исследовательских интересов я буду делать акцент на проблемах исследований старения, имеющих, впрочем, немало общего с исследованиями возраста вообще.

Возраст человека — нелинейная, недискретная (в сравнении с гендером или расой) и индивидуально вариативная характеристика (очевидно, что между ребенком 3 и 5 лет разница гораздо больше, чем между человеком в 30 и 32 года). При этом во многих случаях возрастные различия сегодня все реже вообще что-то предполагают и хорошо фиксируются только в иерархически устроенных сообществах: ученик 9-го класса знает меньше, чем ученик 11-го, но разница между знаниями 30- и 35-летнего слишком индивидуальна, чтобы не сказать условна. Культурное разнообразие существенно ограничило привычную логику возрастной стратификации: чем больше его в жизни, тем меньше сравнимой/иерархически устроенной разницы в опыте, приобретаемом с возрастом. Возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и разделение по часовым поясам, и если для детства она еще оказывается эффективной, то в случае старости теряет свой предсказательный

1 В этой логике было бы интересно взглянуть на кейс признания гомосексуальности врожденной ориентацией — одно из немногих исключений, смысл признания которого можно увидеть как раз в увеличении автономности выбора субъектов.

потенциал. Яркий пример здесь — отсутствие понятия физиологической нормы для поздних возрастов, поскольку объема наших знаний недостаточно, чтобы сказать, является ли данное состояние патологией или характерной для этого возраста нормой[1] [Хрисанфова 1999: 53]. Иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять (более полное перечисление недостатков периодизации см., например, в [Katz, Marshall 2004: 62]). Социальных геронтологов, регулярно упрекающих врачей в *медикализации* старения, но пользующихся классификациями полувековой давности, впору самих обвинить в его *демографизации*. Возможно, хронологический возраст сегодня с некоторыми допущениями можно сравнить с полом, который еще не превратился в гендер, однако возможные политики идентичности (при всей невнятности и политизированности самого термина «идентичность» [Brubaker, Cooper 2000]) едва ли смогут в случае возраста эффективно воспроизвести модели, по которым построены гендер или раса.

От возраста в теоретизировании не получается избавиться, но и от попыток дать определение, не связанное с *биологическим*, он регулярно ускользает. Так, наиболее радикальная социально-конструктивистская концепция «безвозрастности» (agelessness), во многом повторявшая аргументацию colorblind в расовых исследованиях (ср., например, с [Ryan et al. 2007]), была безжалостно раскритикована с социологических же позиций [Andrews 1999]. И наоборот, идеи «активного старения», направленные на разрушение стереотипов, не столько вносят вклад в осмысление позднего возраста, сколько заставляют задуматься, корректно ли вообще называть такое состояние старостью, и не нуждаемся ли мы в таком случае в радикальном переопределении возрастных границ? На значительный общественно-политический уклон в геронтологии указывают и ведущие специалисты в этой области (см., например, текст с саморазоблачительным названием «Социальная геронтология как публичная социология в действии» [Putney et al. 2005]). Классическая социологическая теория была нечувствительна к вопросам возраста, практически игнорируя возрастные различия. Субъект в социальной теории — нечто обобщенное, типичное и условно приравненное к другому субъекту (разницей можно пренебречь, когда теоретизируется (со)общество в целом). Все акторы равно «акторны», однако под ними подразумеваются взрослые люди, и веберовское

1 Один из специалистов по disability studies предлагает называть «обычных» людей «временно здоровыми» (temporarily able-bodied) [Gerschick 2000: 1264] — формулировка, идеально подходящая для описания геронтологической проблематики.

понимание социального действия явно не предназначено для анализа детского поведения и т. п.

Такая ситуация отражает нашу теоретическую растерянность, причем упреки в теоретической слабости относятся не только к отечественным, но и к западным исследованиям — концептуальная работа и здесь в лучшем случае недостаточна, отставая от ведущих областей социологии[1]. Анализ В. Бенгтсоном [Bengston 2006: 7] 5-летнего среза статей по социальной геронтологии показал, что в большинстве (72%) публикаций в восьми журналах не сделано ни одной отсылки или упоминания какой-либо теоретической традиции.

В геронтологии отсутствие перспективной теоретической рамки заменила актуальность — и в качестве повода для междисциплинарной реакции на проблему глобального постарения населения, и как научное сопровождение для борьбы с очередным «-измом». В заметно более выгодной ситуации находятся теоретические перспективы исследований детства, чья тема в меньшей степени нуждается в политкорректности и вмешательстве публичной социологии. Именно поэтому весьма характерно, что теоретические статьи этого номера посвящены детству, в то время как эмпирическую часть составили тексты о позднем возрасте.

Открывает номер статья Светланы Бардиной, предлагающей критику позиций «новой социологии детства», привлекая политическую теорию Гоббса. В центре внимания философского исследования Ирины Дуденковой — определение границы совершеннолетия. Ключевыми ресурсами для этой демаркации становятся понятия дееспособности (анализируемое с помощью Аристотеля и Канта) и порядок признания, позволяющий сгладить парадокс, возникающий вследствие наделения ребенка автономией. Завершает раздел текст Александра Храмова, где детально анализируются представления эволюционистов XIX века о воспитании детей и самой природе детства.

Открывающая раздел эмпирических исследований статья Михаила Соколова посвящена специфическому российскому парадоксу поколения-как-класса, требующему развернутой дискуссии — анализ стилей культурного потребления показывает, что именно возраст, а не уровень дохода и образование определяет формы досуговой активности, и возрастные группы таким образом приобретают квазиклассовые черты. В исследовании Ирины Стародубровской анализируется специфика межпоколенческих конфликтов на Северном Кавказе, драйвером которых становятся радикальные идеологии, разрушающие традиционный авторитет старших. В статье

1 Критическую оценку теоретических достижений социальной геронтологии см., например, в [Hagestad 1999].

Андрея Коротаева, Кирилла Новикова и Сергея Шульгина приводится эмпирическое опровержение гипотезы, что возраст не оказывает существенного влияния на формирование системы ценностей человека. На материалах World Values Survey ими выявлен общемировой тренд, согласно которому с возрастом люди становятся более консервативными и ориентированными скорее на ценности солидарности, чем самоутверждения.

Рубрика переводов представлена классической статьей Шерил Лаз о возрасте как результате социального конструирования. Текст предваряется введением с кратким обзором рецепции этих идей в современной культуральной (cultural) геронтологии (наследницей критической геронтологии), любезно написанным для нашего журнала самим автором.

Раздел рецензий открывает обзор Владимира Близнекова, посвященный критическому разбору концепта трудового общества, адаптированного группой немецких авторов коллективной монографии к проблемам стареющего мира. В развитие темы Алия Низамова рецензирует книгу, посвященную изучению сексуальной идентичности и связанных с ней проблем, с которыми сталкиваются гомосексуальные мужчины в старших возрастах — от каминг-аута на рабочем месте до взаимодействия в пансионатах для престарелых.

В фокусе внимания Ирины Троцук — монография по географической геронтологии, нового междисциплинарного направления, стремящегося выйти за пределы демографических и миграционных исследований. Закрывает номер рецензия Людмилы Пашковской на коллективную монографию, посвященную поиску возможных вариантов коллабораций феминизма и исследований детства.

Библиография / References

Хрисанфова Е.Н. (1999) *Основы геронтологии (антропологические аспекты),* М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.

— Khrisanfova E.N. (1999) *Fundamentals of gerontology (anthropological aspects).* M.: VLADOS. — in Russ.

Andrews M. (1999) The seductiveness of agelessness. *Ageing and Society,* 19: 301-318.

Bengtson V. (2006) Theorizing and Social Gerontology. *International Journal of Ageing and Later Life*, 1 (1): 5-9.

Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond "identity". *Theory and Society*, 29: 1-47.

Foster G.S., Sherrard M., Cosbey J.R., Hummel R.L. (2001) Dying to Be Old: A Sociological Analysis of Old Age as Cause of Death. *Journal of Aging and Identity*, 6 (3): 165-179.

Gerschick T.J. (2000) Toward a Theory of Disability and Gender. *Signs*, 25 (4): 1263-1268.

Hagestad G.O. (1999) A Gray Zone? Meetings between Sociology and Gerontology. *Contemporary Sociology*, 28 (5): 514-517.

Jones R.L. (2006) 'Older people' talking as if they are not older people: positioning theory as an explanation. *Journal of Aging Studies*, 20 (1): 79-91.

Katz S., Marshall B.L. (2004) Is the functional "normal"? Aging, sexuality and the bio-marking of successful living. *History of the Human Sciences*, 17 (1): 53–75.

Putney N.M., Alley D.E., Bengtson V.L. (2005) Social gerontology as public sociology in action. *The American Sociologist*, 36 (3-4): 88–104.

Ryan C.S., Hunt J.S., Weible J.A., Peterson C.R., Casas J.F. (2007) Multicultural and Colorblind: Ideology, Stereotypes, and Ethnocentrism among Black and White Americans. *Group Processes Intergroup Relations*, 10 (4): 617-637.

Рекомендация для цитирования:

Смолькин А.А. (2019) Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*, 31 (1): 8-13.

For citations:

Smol'kin A.A. (2019) Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction. *Sociology of Power*, 31 (1): 8-13.

Поступила в редакцию: 27.03.2019; принята в печать: 28.03.2019

Received: 27.03.2019; Accepted for publication: 28.03.2019